

О СООТНОШЕНИИ ОБЪЕКТИВНОГО И ГРАММАТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

Традиционная точка зрения на отношения грамматической категории времени и объективного времени заключается в том, что говорящее лицо определяет временное отношение высказываемого к моменту речи. Все, что протекает до момента речи, выражается грамматическим прошедшим временем; все, что происходит после момента речи, — будущим временем; все факты и действия, которые совпадают с моментом речи в широком или узком смысле, характеризуются основным значением настоящего грамматического времени¹.

За последнее время в советской лингвистической литературе появился ряд исследований, отражающих принципиально иное понимание грамматической категории времени². Прежняя точка зрения на отношение категории грамматического времени к объективным категориям действительности объявляется идеалистической и неприемлемой для марксистской науки. Сторонники этой новой точки зрения считают, что поскольку «глагол как часть речи есть выражение действия», а действие «с материалистической точки зрения» «сводится к движению материи в пространстве и во времени»³, то глагол как часть речи должен отразить в языке свойства бытия. Н. С. Пospelov утверждает, что «глубокие мысли Ленина об объективной реальности времени требуют раскрытия в применении к анализу глагольного действия в грамматической категории времени, как отражения объективного времени во всей диалектической сложности его внутреннего содержания» (стр. 288; разрядка наша. — Г. М.).

Рассматриваемая морфологически категория наклонения, образующая тесное единство с категорией времени, по мнению Н. С. Пospelova, является выражением «обобщенного отношения к действительности самого глагольного действия независимо от точки зрения говорящего лица...», а поэтому «категория глагольного времени отражает объективное время не с точки зрения говорящего лица, т. е. не в отношении к моменту речи» (стр. 293; разрядка наша. — Г. М.). Автор приходит к выводу, что «ориентировка в грамматическом учении о времени на момент речи порочна с точки зрения общей теории языка уже потому, что непосредственно апеллирует к конкретному психологическому содержанию высказывания, а не к его обобщенному значению, не закрепляет в словах и в соединении слов в предложениях результаты абстрагирующей работы человеческого мышления... Категория времени, являясь отражением объективного времени, непосредственно включает глагольное действие в реальную действительность» (стр. 295—296). Следовательно, по мнению Н. С. Пospelova, грамматическая категория времени представляет собой зеркальное воспроизведение временных отношений объективной действительности⁴. Однако автор отмечает и те многочисленные случаи, когда временные формы употребляются не в собственном значении, а в «косвенном» (релятивное употребление временных форм в отличие от употребления временных форм с прямой направленностью на действительность — индикативного⁵).

Как мы видели, в анализе категории времени Н. С. Пospelov исходит из того положения, что грамматические явления прямо и непосредственно отражают объективную действительность, включая языковое грамматическое явление непосредственно в эту действительность. Мы не можем признать, что какая-нибудь из грамматических категорий, в том числе и грамматическое время, «устанавливается» «с точки зрения непосредственного отражения действительности в языке как общественном явлении» (стр. 304). Иными словами, нельзя признать, что грамматическая форма времени является вещественным знаком объективного настоящего, прошедшего, будущего времени, отражая все его черты. Прежде чем явление бытия найдет отражение в языковом факте,

¹ Та же, примерно, точка зрения на роль момента речи в определении временного значения глагола изложена в книге: «Современный русский язык. Морфология. (Курс лекций)», под ред. В. В. Виноградова, [М.], 1952, стр. 292—293.

² См.: Н. С. Пospelov, Категория времени в грамматическом строе современного русского языка. Докт. дисс., М., 1953; его же, Категория времени в грамматическом строе русского глагола, сб. «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию», М., 1952; его же, Прямое и относительное употребление форм настоящего и будущего времени глагола в современном русском языке, сб. «Исследования по грамматике русского литературного языка», М., 1955.

³ Н. С. Пospelov, Категория времени в грамматическом строе русского глагола, стр. 287 (далее ссылки на эту работу даем в тексте в скобках).

⁴ Ср. сходную точку зрения в кн. С. Д. Никитина «Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века» (М., 1952, стр. 16—17).

⁵ См. докторскую диссертацию Н. С. Пospelova, а также его статью «Прямое и относительное употребление форм настоящего и будущего времени глагола в современном русском языке»

оно должно быть воспринято сознанием говорящего. И если время в бытии всегда — абсолютно и независимо от нашего сознания, то категория времени в языке зависит от осознания объективного времени говорящим.

Переоценивая роль индивидуальной психологии, недооценивая общепародные нормы в использовании языка и типичность в восприятии действительности данным обществом на данном этапе его развития, идеалисты говорят об акте общения как о творческом акте мыслящего индивида, уравнивая в языке значения общепародные, объективные (главные) и субъективные (несущественные, окказиональные). Односторонность идеализма может привести и к другому не менее парадоксальному выводу о том, что категории языка равны категориям мысли и являются вечными и не связанными с историей конкретных языков¹.

Материалистическое понимание роли говорящего в языке заключается в том, что говорящий реализует в отдельных актах общения коллективные языковые нормы. Общепародные грамматические нормы отражают итог восприятий действительности, абстрагированный от конкретного содержания отдельных актов общения; поэтому, например, категория наклонения, времени у всех говорящих на данном языке одинакова, и грамматическое оформление даже ложного и субъективного высказывания всегда будет соответствовать обобщенным нормам языка.

Признание говорящего и его мышления посредником между действительностью и языком, особенно грамматикой, — есть необходимое условие марксистского рассмотрения языковых явлений. «Категория говорящего» — категория объективная, абстрактная, а не индивидуалистическая и психологическая, потому что индивидуум волен проявлять свои личные склонности лишь в оценке слова, в содержании высказывания, но отнюдь не в грамматических формах и их употреблении.

Исходя из этого, мы не можем признать и момент речи категорией субъективной. Конечно, когда момент речи рассматривают как произвольную точку на временной оси, легко передвигаемую по произволу отдельного говорящего², это понятие приобретает субъективный и идеалистический характер; возможность такого понимания момента речи вытекает из идеалистического понимания роли говорящего.

Человек обозначает познаваемое и познанное им объективное время всегда в виде определенных отрезков. Время в бытии, в действительности бесконечно, человек же познает его к о н е ч н о, через понятие какого-то промежутка, отрезка. Поскольку время бесконечно, самые большие промежутки не в состоянии охватить всего времени; самые же маленькие единицы никогда не могут обозначить точку во времени. Однако когда общественная практика заставляет человека в процессе языкового общения единым образом обозначать разнообразные события, явления природы, результаты научных экспериментов, он использует известные ему понятия промежутков времени, которые располагаются по отношению к какой-нибудь точке, условно принятой за единицу отсчета.

Любое явление действительности протекает в так называемом абсолютном времени, и в практике же человека оно обозначается при помощи промежутков времени, отнесенных к какой-нибудь условной точке. Следовательно, человек обозначает абсолютное время относительно, и это вовсе не мешает ему в достижении нужной точности. Но раз человек обозначает время относительно, то, очевидно, и в языке не может быть непосредственного отражения времени. И именно момент речи является тем звеном, которое позволяет соотносить абсолютное время бытия с относительными языковым временем. Момент речи субъективен лишь постольку, поскольку он немислимым вне индивидуальной акцией общения; во всем остальном момент речи объективен, и установление его и языке происходит на объективных основаниях. Установление каждого отдельного момента речи и выбор временной формы абсолютны в том отношении, что они каждый раз определяются говорящим в соответствии с действительностью.

В произведениях писателей прошлого авторское настоящее время становится для нас объективным прошедшим временем, но тем не менее в произведении оно функционирует в значении настоящего времени, потому что определяет перспективу пишущий, автор речи. В этом случае образуется как бы два момента: один — момент «говорения», другой — момент восприятия; может быть и третий момент речи — координата персонажа. Сочетание всех этих координат создается их следованием в абсолютном времени, но сами они относительноны друг к другу.

Точка отсчета времени в языке отражается через момент речи. Выбор говорящим формы времени зависит, конечно, от положения говорящего по отношению к высказываемому в реальной временной перспективе, но это будет все же относительное соответствие абсолютному объективному времени.

Неудобство термина «момент речи» заключается в том, что его внутренняя форма

¹ «Схема времен mutatis mutandis подходит для всех эпох и всех языков» (G. Guillaum e, Temps et verbe. Théorie des aspects, des modes et des temps, Paris, 1929, стр. 12.)

² Cp. S. Kars evsk i, Système du verbe russe, Prague, 1927, стр. 147.

говорит как бы лишь о мгновении речи. Между тем несомненно, что это координата, границы которой могут быть очень различны в зависимости от того, понимается ли этот отрезок как мгновение речи или как современность в широком смысле слова. За счет разного общественного понимания «момента речи» создаются различные оттенки в употреблении временной морфологической формы глагольного времени.

Выбор того или другого значения момента речи будет обусловлен реальной действительностью; положение его в действительности определяется говорящим на данном этапе всегда одинаково в зависимости от реальных жизненных условий. Этим создается то богатство употребления временных форм в предложении, которое так характерно для русского языка. Таким образом, и говорящий, и слушающий, и момент речи — это все объективные факторы, которыми нельзя пренебрегать при анализе языка.

Однако известно, что в течение многовековой практики создаются языковые формы, которые существуют в соотносительности друг с другом; отношения этих языковых абстракций составляют предмет изучения лингвистики. Поэтому и нельзя говорить о «непосредственном включении глагольного действия в реальную действительность» (стр. 296).

Н. С. Поспелов считает, что категория грамматического времени включает глагольное действие в действительности. При этом, поскольку категория времени и категория наклонения образуют, с точки зрения Н. С. Поспелова, единую и неделимую «категорию времени — наклонения», то, очевидно, и наклонение включает глагольное действие в реальную действительность.

Отражение в грамматических категориях времени и наклонения свойств объективного времени и пространства доказывается Н. С. Поспеловым не на основании фактов языка, а при помощи логической подмены. Сначала в статье Н. С. Поспелова дается ссылка на следующее классическое место из работы Ф. Энгельса «Анти-Дюринг»: «... основные формы всякого бытия суть пространство и время; бытие вне времени есть такая же величайшая бессмыслица, как бытие вне пространства»¹.

«Но если время — объективно-реальная форма бытия, — продолжает Н. С. Поспелов, — то и грамматическое время, как отражению объективного времени, необходимо присуще значение изъявительного наклонения, значение реализации действия в объективной действительности» (стр. 293).

Этот вывод представляется нам по меньшей мере натянутым. Если Н. С. Поспелов считает, что все формы бытия находят прямое отражение в грамматических категориях, то надо бы показать, как отражается в грамматической категории времени его объективная, неразрывная связь с пространством, та связь, которая иллюстрируется цитатой из «Анти-Дюринга» («время вне пространства есть... величайшая бессмыслица»). Если же Н. С. Поспелов не предполагает прямой связи между грамматическими категориями и объективным бытием, его формами, то существование времени как объективно-реальной формы бытия никак не доказывает, что «и грамматическому времени как отражению объективного времени необходимо присуще» значение изъявительного наклонения.

Итак, материалистическое признание объективного времени не доказывает органической связи категории времени и наклонения как выражения нераздельных категорий бытия: времени и пространства. Могут ли связи грамматических категорий с объективной действительностью миновать то, без чего язык не может существовать: человеческое общество как носители языка и языковые законы, обеспечивающие существование грамматических категорий? Представляется совершенно очевидным, что на этот вопрос можно ответить только отрицательно: прямого соответствия между грамматикой языка и явлениями объективной действительности не существует.

*

Переходя к анализу значений настоящего времени, Н. С. Поспелов оперирует понятием момента речи в общепринятом смысле; при этом вся его классификация значений настоящего времени исходит из понимания момента речи как момента речевого сознания.

Временное значение формы настоящего времени определяется, по мнению Н. С. Поспелова, моментом речевого сознания и соответствием его моменту речи. Разрывая момент речевого сознания и момент речи, Н. С. Поспелов усматривает, в зависимости от их следования, следующие оттенки настоящего времени:

- 1) нераскрытое настоящее (устремленное в будущее):

а) воображаемое	}	переходные значения от 1-го ко 2-му;
б) заочное настоящее		
- 2) раскрытое настоящее (включающее момент прошлого и настоящего);
- 3) абстрактное настоящее, отвлеченное от конкретного содержания (с **оттенком** качественности, вневременности).

¹ Ф. Э н г е л ь с, Анти-Дюринг, М., 1951, стр. 49.

Позволим себе привести цитату, из которой ясно видны основания этой классификации. «В четвертом действии пьесы „Дядя Ваня“, происходящем в комнате Ивана Петровича Войничкого, есть такая реплика Елены Андреевны, сопровождаемая поясняющей авторской ремаркой: „Елена Андреевна (берет со стола карандаш и быстро прячет). Этот карандаш я беру себе на память“. В данном контексте и в данной ситуации (предваряемое авторской ремаркой) *беру* — раскрытое настоящее (включающее, с точки зрения Н. С. Поспелова, момент прошлого. — Т. М.). При обратном расположении реплики и ремарки, т. е. если бы ремарка следовала за репликой, *беру* было бы нераскрытым настоящим, включающим в себя ближайшее будущее» (стр. 310).

Следовательно, оттенок мнимой направленности в прошлое создается в рассмотренном примере за счет того, что мысль о действии и осуществление этого действия произошли ранее момента речи; поэтому «беру» в индивидуальной психологии говорящего равно «взяла». При обратном расположении ремарки и реплики сначала имеет место момент речи, затем выполнение действия, получившего предварительную характеристику в настоящем (с оттенком намерения), поэтому в данном случае «беру» равно «возьму».

Очевидно, что разница между так называемым раскрытым и нераскрытым значением настоящего времени обусловлена не языковыми отношениями, а реальной обстановкой, ситуацией. Кроме того, предложенный анализ очень субъективен; возможно и другое понимание различий между этими двумя употреблениями формы настоящего времени¹.

Субъективность подразделения на раскрытое и нераскрытое настоящее можно иллюстрировать и другим примером из той же статьи Н. С. Поспелова. («Вишневый сад»): Аня говорит: «Восходит луна». Затем следует ремарка автора: «Восходит луна». И, наконец, Трофимов констатирует: «Да, восходит луна» (стр. 301). Н. С. Поспелов считает, что настоящее время в реплике Трофимова имеет значение раскрытого настоящего, а в реплике Ани — значение нераскрытого настоящего времени. Но, действуя в духе этого анализа, мы можем предложить и другое понимание значений этих трех реплик: форма настоящего времени глагола несовершенного вида употребляется здесь для характеристики длительного и медленного процесса восхождения луны; в каждой из трех следующих друг за другом форм настоящего времени мы имеем характеристику трех точек, входящих в понятие расширенного настоящего; первая реплика характеризует начальную точку в процессе восхождения луны, средняя — срединную, последняя — конечную, но не выходящую за пределы настоящего.

Показательно, что все примеры на раскрытое и нераскрытое настоящее в статье Н. С. Поспелова основаны на анализе глаголов лишь некоторых лексических групп: это главным образом глаголы движения и глаголы с начинательным значением. И в каждой из указанных групп различия так называемого раскрытого и нераскрытого настоящего не одинаковы. Это показывает, что различия эти не относятся к значению собственно форм настоящего времени: в глаголах моторных значение настоящего может заключаться в стремлении к будущему, создавая, так сказать, «нераскрытое будущее»; в начинательных глаголах их семантика придает настоящему времени модальный оттенок стремления к концу настоящего. Значения настоящего времени глагольной речи имеют свои особенности. Так, например, глаголы *напоминаю*, *спрашиваю* (см. стр. 301) по своему лексическому значению требуют последующего разъяснения. Но в анализе и этих примеров у Поспелова опять выступает понимание момента речи как мгновения речи, с нашей точки зрения, совершенно не обязательное. Ср. реплику Андрюхи («Три сестры» Чехова): «Я совершенно хладнокровно вас спрашиваю: что вы имеете против меня, где и спрашиваю» Н. С. Поспелов видит значение настоящего, раскрываемого и ближайшем будущем.

Рассмотрение принятых в работе Н. С. Поспелова оснований для дифференциации раскрытого и нераскрытого настоящего времени убеждает нас в том, что эти основания не имеют отношения к грамматическому анализу.

Особенное недоумение вызывает и классификация значений настоящего времени настоящего «воображаемого» и «зачного» (см. стр. 302). Во первых, оказывается, что эти значения — стадии, переходные от «нераскрытого» к «раскрытому» настоящему; во-вторых, для «воображаемого» и «зачного» настоящего дается пример из древнерусского языка («Русский Правде», *летопись*). Здесь игнорируется связь категории времени с другими категориями глагола. Ведь значения временных форм в «Русской Правде» сложились при иных отношениях с видом и оставались категориями глагола и не могут быть прямо связаны с оттенками значения временных форм современного русского глагола. Да и само определение оттенка времени и термины создаются в этих пунктах классификации на основании того, что *людье* из «Русской Правды» не видит разбойника и заочно осуждают его («настоящее зачное»), а термин «воображаемое настоящее»,

¹ Можно, например, предложить такое толкование: в первом случае мы имеем типичное значение настоящего времени, совпадающего с моментом речи; во втором случае выделяется не временное значение, а модальный оттенок намерения, имеющий чисто ситуативное значение.

повидимому, складывается потому, что новгородцы предполагают не выдавать своей *братъи* («Княже, кланяемъ ти ся а братъи своей не выдаваем»).

Можно найти еще очень много ситуаций, в которых обстоятельства, не имеющие отношения к грамматике, дадут возможность установить новые оттенки в значении формы времени. Тем самым приравниваются друг к другу совершенно разнородные величины: обобщенные значения времени и частные ситуативные случаи их употребления, относящиеся к психологическому, но не грамматическому пониманию значений временных форм.

Таким образом, намерения Н. С. Поспелова рассмотреть категорию времени в русском глаголе в ее соотношении с объективным временем не привели, с нашей точки зрения, к желаемому результату. Причиной неудачи явилось рассмотрение категории времени вне ее языковых грамматических свойств и взаимозависимостей. Вместо этих единственно возможных для грамматики критериев Н. С. Поспелов оперирует критерием субъективной ситуативности, смешивает лексику с грамматикой. Вся статья Н. С. Поспелова относится к русскому языку лишь постольку, поскольку русский язык упоминается в заглавии и используется в примерах. Вообще же все, что сказано здесь о категории времени, не относится к русскому языку, потому что здесь нет исследования того, что индивидуально присуще его грамматическому строю.

Г. М. Милейковская